

К.С. САБЛИН,
Кемеровский государственный университет

ГОСУДАРСТВО РАЗВИТИЯ В РАЗНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ*

В настоящее время российское правительство провозгласило необходимость создания предпосылок для осуществления модернизации и перехода к инновационному пути развития как важнейшую задачу экономической политики. Это означает, что ключевым фактором развития отечественной экономики должен стать процесс генерирования и использования инноваций «шумпетерианского» типа, поскольку экстенсивная эксплуатация невозобновляемых природных ресурсов и широкое извлечение сырьевой ренты угрожает национальной безопасности России, так как может привести к окончательному закреплению за ней статуса сырьевого придатка не только индустриально развитых стран, но и быстроразвивающихся экономик Азиатско-Тихоокеанского региона. В данном контексте одним из примеров является подписанное рамочное Соглашение «Об основных условиях поставок российского природного газа в КНР» между ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, которое предусматривает как «западный», так и «восточный» варианты поставок российских энергоресурсов.

Представляется, что модернизация российской экономики и переход к инновационной модели становятся для страны безальтернативными, поскольку основным источником экономического развития постепенно становятся знания как неисчерпаемый ресурс, позволяющий обеспечивать устойчивость национальной экономики по отношению к колебаниям конъюнктуры мировых рынков товаров, услуг и сырья. В связи с этим активизация процесса генерирования и использования инноваций становится важнейшей целью экономической политики государства.

В интересах достижения данной цели в разных странах, в том числе и в России, разрабатываются и реализуются институциональные проекты, направленные на стимулирование нововведений и модернизацию экономики. При этом, как показывает международный опыт, центральным субъектом модернизации является государство. В этом случае оно выступает в качестве государства развития

(developmental^{*} state)¹, т.е. государства, продвигающего и поддерживающего экономическое развитие, под которым понимается сочетание стабильно высоких темпов экономического роста, структурных изменений в национальной экономике и улучшения качества жизни всего населения страны. Экономическое развитие принимает форму модернизации в том случае, когда осуществляется «внедрение» новых механизмов, стимулирующих разработку и реализацию долгосрочной стратегии развития экономики той или иной страны, основанной на широком применении технологических, организационных и институциональных инноваций.

Иными словами, государство развития - это государство, которое стимулирует экономический рост и обеспечивает устойчивое экономическое развитие посредством производства общественных и квазиобщественных благ (например, создавая социально-инженерную инфраструктуру, поддерживающую процесс генерирования производительных инноваций), субсидирования разработок новых технологий, инвестирования в НИОКР и в систему высшего профессионального образования, а также посредством активного участия в процессе формирования институциональной среды инновационного развития. При этом центральным вопросом для государства развития является принятие и обеспечение реализации модернизационного проекта, под которым понимается комплекс мер по ускорению экономического развития страны посредством осуществления коренных преобразований в институциональной среде, привлечения инвестиций и освоения новых технологий, а также по повышению качества человеческого капитала и соз-

* Работа поддержана ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, г/к № П1893 от 28.10.2009 г.

¹ В новой институциональной экономической теории существует близкий по значению термин: «государство помогающей руки» («helping-hand state»). См.: Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // American Economic Review. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P. 354 – 359.

данию инновационной инфраструктуры.

Отметим, что деятельность государства развития рассматривается с двух противоположных позиций, которые, однако, *не противоречат*, а *дополняют* друг друга. Первая позиция представлена теорией общественного выбора, в частности экономикой (теорией) бюрократии, которая рассматривает чиновников, олицетворяющих государство, в качестве индивидов, стремящихся максимизировать частную целевую функцию, используя свое служебное положение в бюрократической иерархии. Иначе говоря, чиновники пытаются добиться не столько выполнения официальных целей, сколько реализацию личных интересов. Данный («хищнический») аспект деятельности государства нашел отражение в работах Дж. Бьюкенена[1], Г. Таллока[29], У. Нисканена[23], М. Олсона[5], Э. Крюгер[21], Д. Мюллера[4] др.

Вторая позиция воплощена в концепции государства развития, которая, основываясь на анализе функционирования бюрократических аппаратов разных стран, показывает, что чиновники могут максимизировать частную целевую функцию, следуя при этом общественным интересам и стимулируя экономическое развитие. Содержание и примеры успешной деятельности государства развития представлены в трудах А. Амсен[11], Б. Камингза[14], М. Кастельса[2], Н. Флигстина[8], П. Эванса[15-17], А. Ведемана[30] и др.

Важно отметить, что любой бюрократический аппарат содержит в себе как «хищнические» черты, так и черты государства развития. Представляется, что их соотношение находится в зависимости от институциональной среды, в которую «встроен» аппарат.

На значимость институционального и культурно-исторического контекста, в рамках которого действуют чиновники, указывают такие исследователи, как У. Баумоль, У. Лацоник, Д. Норт[24], Дж. Най[25], Э. де Сото[7] и др. В этой связи, Д. Норт отмечает, что институциональная среда предопределяет набор возможностей, которые в одних условиях делают более прибыльной (экономически выгодной) перераспределительную активность, а в других – производительную деятельность². Иными словами, можно выделить «непроизводительную» и «продуктивную» институцио-

нальную среду³.

В то же время слабо освещенной остается проблема выявления влияния разнообразных институциональных условий на деятельность государства развития. Представляется, что и «непроизводительная», и «продуктивная» институциональная среда может предопределить различные варианты его функционирования: как успешные, так и «хищнические».

В связи с этим, цель данной статьи состоит в выявлении *разнообразных институциональных условий*, в которых действуют государства развития, *успешно* реализовавшие модернизационные проекты, а также их сравнение с Россией.

Государство является субъектом развития в лице конкретных чиновников как публичных акторов, которые способны создавать положительные стимулы для предпринимателей, поощряя производительное инвестирование ресурсов в развитие новых видов деятельности и освоение новых технологий, а также снижая возможные риски, возникающие в процессе инвестирования. В данном случае они рассматриваются в качестве администраторов развития: (1) как особый тип чиновников, способных решать задачи социально-экономического развития; (2) как администраторы, выполняющие определенные функции в процессе становления «институтов развития».

Отметим, что чиновники, исполняющие роль администраторов развития, могут реализовывать:

(1) общественную функцию полезности, которая заключается в производстве общественных и квазиобщественных благ;

(2) корпоративно-бюрократическую целевую функцию, состоящую в концентрации экономических ресурсов и регулировании финансовых потоков, обеспечивающих возрастание экономической власти государственно-бюрократического аппарата;

(3) частную целевую функцию, которая состоит в получении дополнительного «дохода» (статусной ренты), как в материальной (например, денежное вознаграждение, причитающееся чиновнику за лоббирование интересов узкой группы предпринимателей), так и в нематериальной форме (например, социальный статус, престиж, повышение квалификации и

² North D. Five Propositions about Institutional Change // Explaining Social Institutions. – The University of Michigan Press, 1998. – P. 17.

³ Nye J. Institutions and the Institutional Environment // New Institutional Economics. A Guidebook. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 77.

возможность приращения человеческого капитала).

Соотношение целевых функций администраторов развития определяет неустойчивый баланс между их стремлением извлечь статусную ренту и улучшить свои личные возможности как частных акторов и их действиями в качестве публичных акторов по созданию институциональных условий, помогающих предпринимателям преодолевать проблемы, связанные с развитием новых видов деятельности и с освоением новых технологий. При этом корпоративно-бюрократическая и частная целевые функции администраторов развития могут существенно модифицировать их деятельность по формированию и реализации модернизационного проекта.

Как отмечает П. Эванс, «индивидуальная максимизация полезности администраторов развития должна реализовываться посредством использования преимущественно формальных бюрократических правил и процедур, а не через эксплуатацию личных возможностей, представленных невидимой рукой рынка»⁴. В данном случае их карьера попадает в зависимость от степени эффективности реализации модернизационного проекта, а сами администраторы развития по своим характеристикам близки к «вебериянским» бюрократам*, которые на практике являются недостижимым идеалом.

Другим инструментом реализации частной целевой функции администраторов развития является «личный протекционизм», т.е. использование служебного положения в частных целях и вне бюрократических иерархических правил и процедур, а также широкая эксплуатация возможностей, предоставляемых неформальными сетями, которые «скрепляют» отношения внутри бюрократического аппарата (административные сети). В данном случае карьера администраторов развития оказывается никак не связанной с эффективной реализацией модернизационного проекта, который, как правило, не затрагивает интересы широких

групп населения, а бюрократический аппарат представляет собой совокупность индивидов, максимизирующих частную целевую функцию, которые только «имитируют» бурную деятельность, обеспечивающую «производство» общественных благ⁵.

Отметим, что государства развития, успешно реализовавшие проекты «догоняющей» модернизации, представлены такими странами, как Южная Корея, Тайвань, Финляндия, Ирландия. Во всех этих странах государство брало на себя инициативу стимулирования экономического роста и поддержания экономического развития посредством создания институциональной среды инновационного развития, то есть совокупности формальных правил и неформальных норм, нацеленных на стимулирование производительной деятельности предпринимателей.

Общими для них являются следующие характеристики: (1) относительно небольшая площадь территории, (2) малая протяженность границ, (3) высокая плотность экономического пространства, (4) унифицированная институциональная среда; (5) унитарное государственное устройство, (6) доминирование формализованных каналов отбора и продвижения администраторов развития, работа которых основана на принципах меритократии (т.е. личных служебных заслугах и достоинствах) и видимых «карьерных лестниц».

Эффективность бюрократических аппаратов, обеспечивающих успешное решение модернизационных задач, может иметь разную основу. Среди них можно выделить:

- западноевропейскую модель (Ирландия, Финляндия), ключевой чертой которой являются процедуры, предотвращающие конфликт интересов субъектов развития: во взаимодействии с предпринимателями администраторы развития следуют преимущественно формализованным и четко прописанным бюрократическим правилам, регламентам и процедурам;

- восточноазиатскую модель (Южная Корея, Тайвань), характеризующуюся «сращиванием» интересов администраторов развития и предпринимателей, заинтересованных в модернизации экономики в рамках кумовского капитализма (crony capitalism), а также устой-

⁴ Evans P. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // Sociological Forum. – 1989. – Vol. 4. – № 4. – P. 573.

* «Вебериянская» бюрократия является высокопрофессиональным, дисциплинированным, неукоснительно соблюдающим закон и работающим по четким единообразным правилам госаппаратом.

⁵ Evans P. State Structures, Government-Business Relations, and Economic Transformation // Business and State in Developing Countries. – Ithaca: Cornell University Press, 1997. – P. 66.

чивым существованием коррупционных каналов, которые, однако, способствовали развитию экономик данных стран. Так, например, в Южной Корее коррупционные отношения изначально «встраивались» в общую стратегию долгосрочного развития, предусматривающую упрощенный доступ для крупных конгломератов (*chaebol*) к льготным кредитам, государственным контрактам и иным правительственным привилегиям в обмен на «денежные пожертвования» и «добровольные отчисления» в пользу правящей политической партии⁶.

Здесь важно отметить, что в странах Восточной Азии формализованные каналы рекрутирования администраторов развития опираются на плотные неформальные сети взаимоотношений. Например, основным кадровым резервом для набора администраторов развития в Японии являются *gakubatsu*, т.е. персонифицированные связи между сокурсниками элитных японских университетов. При этом администраторы развития в своей работе опираются на сложившийся набор (кодекс) неформальных правил, или «путь бюрократа» (*kanryodo*), который консолидирует внутреннюю структуру аппарата⁷. Таким образом, его эффективность в данном случае обеспечивается не столько формализованными процедурами, сколько сетями неформального взаимодействия.

Отметим, что в обоих случаях государство развития оказалось успешным, поскольку было способно составить противоречивую по своей природе, но эффективную комбинацию из автономной бюрократии, и ее «укорененности» в существующей институциональной среде.

Эффективность бюрократических аппаратов восточноазиатской модели предопределили длительные бюрократические традиции, в частности сложная система сдачи квалификационных экзаменов, необходимых для занятия позиции в государственном аппарате (например, данные формализованные испытания на Тайване выдерживают в среднем 2% соискателей), а также наличие неблагоприятного

внешнего окружения (Северная Корея и континентальный Китай), позволившего в относительно сжатые сроки мобилизовать ресурсы и успешно реализовать стратегии «догоняющей» модернизации посредством осуществления эффективных институциональных реформ⁸.

Представляется, что не менее важным для становления государства развития, как в Южной Корее, так и на Тайване, явилось их общее колониальное прошлое, поскольку именно японское имперское правительство заложило основы эффективного бюрократического аппарата, успешно реализовавшего стратегии «догоняющей» модернизации. Например, в колониальной Корее администрация не только поощряла реализацию инфраструктурных проектов, активно привлекая финансовые средства представителей частного сектора, но также стимулировала становление государственной службы с элементами «вебериянской» бюрократии. При этом предприниматели были «встроены» в процесс выработки экономической политики, используя возможность получать дополнительные «корпоративные доходы» в обмен на частичную потерю своей коммерческой и производственной самостоятельности, а взаимоотношения с колониальными властями выстраивались на основе их личных связей с губернатором, который выступал в роли «любящего отца», или «благонамеренной помогающей руки» (*jufu*)⁹.

В отличие от восточноазиатской модели бюрократического аппарата, в котором неформальные каналы взаимоотношений между администраторами развития и предпринимателями играют *доминирующую* роль, в рамках западноевропейской модели данные каналы скорее *дополняют* формализованные бюрократические регламенты и процедуры, на которые в своей работе опираются администраторы развития.

Ярким примером является Финляндия,

⁶ Wedeman A. Looters, Rent-Scrapers, and Dividend Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines // *The Journal of Developing Areas*. – 1997. – Vol. 31. – № 4. – P. 465 – 469.

⁷ Cumings B. Webs with No Spiders, Spiders with No Webs: The Genealogy of the Developmental State // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings. - Published by Cornell University Press, 1999. – P. 64.

⁸ См.: Amsden A. *The State and Taiwan's Economic Development // Bringing the State Back In*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 78 – 107; Onis Z. *The Logic of the Developmental State // Comparative Politics*. – 1991. – Vol. 24. – № 1. – P. 116.

⁹ Kohli A. Where Do High-Growth Political Economies Come From? The Japanese Lineage of Korea's «Developmental State» // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings. – Cornell University Press, 1999. – P.119.

характеризующаяся высоким качеством государственного управления и прозрачностью политических процессов, а также одним из самых низких в мире уровней коррумпированности чиновников¹⁰. Высокое качество бюрократического аппарата, в частности, проявилось в том, что администраторы развития смогли не только стимулировать устойчивый спрос на инновации со стороны заинтересованных предпринимателей и населения в целом, но и создали «плотную» инфраструктуру, поощряющую производительные инвестиции. В целях реализации долгосрочных проектов развития активно применялся механизм частно-государственного партнерства с четко определенными и прописанными позициями представителей частного и государственного секторов¹¹. При этом фрагментация бюрократического аппарата проявилась в его гибкости, позволившей эффективно взаимодействовать со множеством малых инновационных фирм.

В то же время, формализованные связи дополнялись персонифицированными контактами администраторов развития, рекрутирование которых основывалось на принципе меритократии, способствовавшем отбору наиболее талантливых и способных соискателей, с предпринимателями, а одной из «площадок» подобного взаимодействия стал Совет по научной и технологической политике, позволивший наладить прямую связь между предпринимателями и представителями высших правительственных кругов.

Стоит отметить, что не все государства развития смогли успешно реализовать модернизационный проект вследствие различных причин. Так, например, государство развития в Бразилии (*desarrollista state*) оказалось в состоянии осуществить только единичные проекты развития, в силу того, что бюрократический аппарат был значительно фрагментирован и состоял из совокупности индивидов, активно максимизирующих частную целевую функцию в условиях нестабильной политической конъюнктуры,

предопределившей отсутствие видимых «карьерных лестниц» и высокую значимость персонализированных связей, а также сориентировавшей чиновников на реализацию не долговременных, а краткосрочных интересов. При этом отбор администраторов развития опирался не на формализованные испытания, а на политические назначения, осуществляемые представителями верхних уровней власти.

Как заметил П. Эванс, государство развития в Бразилии представляло собой «море клиентелизма» с малочисленными «островками эффективности»¹². Одним из таких «островов» оказался Банк развития, сумевший успешно реализовать несколько проектов в рамках процесса индустриализации экономики Бразилии, опираясь, однако, на «личный протекционизм» и персонализированные связи его директора на верхних уровнях государственной власти.

Представляется, что консолидированный бюрократический аппарат с сильно формализованными внешними связями, и стабильная политическая конъюнктура также могут привести к тому, что государство будет не способно эффективно реализовать проекты развития. Ярким примером в данном случае является Перу, характеризующееся тем, что чиновники не столько упрощают, сколько делают более сложными и запутанными формальные процедуры и регламенты, создавая, таким образом, отрицательные стимулы у предпринимателей, проявивших интерес к инновациям. В этом смысле происходит «централизация» бюрократического аппарата, а отдельные представители частнопредпринимательского сектора инвестируют свои ресурсы в политические связи (как формальные, так и неформальные) с целью получения государственных привилегий и преимуществ.

Однако не менее значимая часть статусной ренты извлекается чиновниками в процессе преодоления предпринимателями многочисленных формальных административных барьеров (канцелярская волокита). Как отмечает Э. де Сото, для того, чтобы открыть собст-

¹⁰ В 2009 г. Финляндия заняла 6 место среди 180 стран по индексу восприятия коррупции, набрав 8.9 балла из возможных 10. См.: Corruption Perceptions Index 2009 // Transparency International. – http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009/cpi_2009_table

¹¹ Innovation Policy and Performance: A Cross-Country Comparison. – OECD Publishing, 2005. – P. 22.

¹² Evans P. The State as Problem and Solution: Predation, Embedded Autonomy, and Structural Change // The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, and the State. – Princeton University Press, 1992. – P. 173; См. также: Schneider B. The Desarrollista State in Brazil and Mexico // The Developmental State by M. Woodcumings. – Cornell University Press, 1999. – P. 290.

венное небольшое предприятие, человек со скромными средствами должен потратить 289 дней на бюрократические процедуры, требуемые для заполнения 11 документов (необходимые лицензии, сертификаты, регистрационные формы)¹³.

Опыт зарубежных стран показывает, что наиболее эффективными бюрократическими аппаратами, реализовавшими общественную функцию полезности в процессе осуществления модернизационного проекта, являются консолидированные бюрократические аппараты с преобладанием персонализированных внешних связей (Южная Корея и Тайвань) и фрагментированные бюрократические аппараты с доминированием деперсонифицированных внешних связей (Ирландия и Финляндия).

В то же время, фрагментированные бюрократические аппараты с преобладанием персонализированных каналов взаимодействия администраторов развития с предпринимателями (например, Бразилия) и консолидированные бюрократические аппараты с сильно формализованными внешними связями (примером является Перу) оказались неэффективными, поскольку способствовали максимизации частной целевой функции чиновников посредством реализации краткосрочных интересов в условиях нестабильной политической конъюнктуры в первом случае, и длительной бюрократической волокиты - во втором.

В противоположность странам, сумевшим во второй половине XX века реализовать успешные модернизационные проекты, Россия характеризуется: (1) огромной площадью территории, (2) большой протяженностью границ, (3) низкой плотностью экономического пространства, (4) локализованной и сегментированной институциональной средой, (5) федеративным устройством государства, (6) доминированием персонализированных каналов рекрутирования администраторов развития (в среднем всего 5% соискателей сдают формализованные экзамены при занятии должности в госаппарате¹⁴), которые в работе опираются на принцип личной преданности и на неформальные практики взаимодействия с предпринимателями (см. табл. 1).

нимателями (см. табл. 1).

Отметим, что сложившаяся в российском бюрократическом аппарате конфигурация интересов администраторов развития способствует реализации стратегий «личного протекционизма» в рамках выстраивания вертикали внутри государства развития. При этом мы полагаем, что стратегии «личного протекционизма» в России коренным образом отличаются от подобных практик, осуществляемых в странах Восточной Азии. В этих странах реализация общественной функции администраторов развития обеспечивается гарантией карьерного роста, основанной на личных служебных заслугах и достоинствах государственных менеджеров. Доминирующим же стимулом администраторов развития в российской экономике является реализация не общественной, а частной целевой функции в рамках выстроенной властной вертикали, опирающейся на личную преданность вышестоящим уровням бюрократической иерархии. Как отмечает ряд авторов, ключевая проблема российской государственности заключается в том, что само государство в лице своих чиновников отнюдь не желает подчиняться каким-либо «правилам игры», которые оно устанавливает для других «игроков»¹⁵. Более того, для России исторически было присуще «сращивание» интересов представителей бюрократии и отдельных предпринимателей. Оно было настолько сильным, что в положении последних виделось немало от роли хозяйственных администраторов, в полной мере использующих государственные привилегии, а некоторые исследователи указывают на то, что происходило не столько «сращивание», сколько «вызревание» предпринимателей в недрах бюрократического аппарата¹⁶.

¹³ Сото Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму. – Челябинск: Социум, 2008. – С. 138.

¹⁴ Чирикова А. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 72 - 73.

¹⁵ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. Серия «Научные доклады», № 124. М.: МОНФ, 2001. – С. 577.

¹⁶ Радаев В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 163 – 164; Левинсон А. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. – 1994. - № 7-8. – С. 248.

Таблица 1

Сравнительная характеристика успешных государств развития и России

Исследуемые параметры	Успешные государства развития	Россия
Площадь территории	Относительно небольшая	Огромная (1 место в мире)
Протяженность границ	Малая	Большая
Плотность экономического пространства	Высокая	Низкая
Институциональная среда национальной экономики	Унифицированная	Фрагментированная
Государственное устройство	Унитарное	Федеративное
Ключевой механизм отбора администраторов развития	Формализованные испытания (экзамены)	Неформальные практики рекрутирования
Ключевой принцип работы администраторов развития	Принцип меритократии (по М. Веберу)	Принцип личной преданности

Представляется, что бюрократический аппарат может быть эффективным и при доминировании стратегий «личного протекционизма» в случае, если персонализированные связи укоренены в институциональной среде, поощряющей реализацию общественной целевой функции, а не поиск политической и статусной ренты. При этом ключевыми все же остаются автономная от узких групп давления бюрократия, и формализованный механизм рекрутирования администраторов развития, для которых преследование общественных интересов является лучшим вариантом максимизации частной целевой функции¹⁷. С другой стороны, в условиях «непроизводительной» институциональной среды, сильно формализованные внешние связи являются неэффективными, поскольку определяют высокие издержки преодоления административных барьеров для предпринимателей.

По нашему мнению, любой бюрократический аппарат является «комбинацией» параметров его внутренней структуры и внешних связей с частными предпринимателями, однако ключевое значение имеет институциональная среда, определяющая либо «непроизводительное», либо «продуктивное» использование данных параметров. Так, примеры разных стран показывают, что даже существование коррупционных каналов в контексте «производительной» институциональной среды может стимулировать экономическое развитие. В свя-

зи с этим представляется, что дальнейшие исследования в этом направлении сопряжены с детализированным изучением разнообразных институциональных условий, в которых «укоренены» действия бюрократических аппаратов государств развития.

Литература

1. Бьюкенен, Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном [Текст] / Дж. Бьюкенен // Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы. – М.: Таурис Альфа, 1997. – С. 207 – 445.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Левинсон, А. Термин «бюрократия» в российских контекстах [Текст] / А. Левинсон // Вопросы философии.–1994.–№7-8.– С.241-249.
4. Мюллер, Д. Общественный выбор III [Текст] / пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова; ГУ-ВШЭ, Институт «Экономическая школа». – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 1000 с.
5. Олсон, М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз [Текст]: пер. с англ. / М. Олсон. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.
6. Радаев, В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории [Текст] / В. Радаев // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 160 – 179.
7. Сото, Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму [Текст] / Э. де. Сото. -

¹⁷ Olson M., Sarna N., Swamy A. Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity Growth // Public Choice. – 2000. – Vol. 102. - № 3-4. – P. 348.

Челябинск: Социум, 2008. – 408 с.

8. Флигстин, Н. Государство, рынки и экономический рост [Текст] / Н. Флигстин // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 41 – 60.

9. Чирикова, А. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные [Текст] / А. Чирикова // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 71 – 81.

10. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) [Текст] / Под ред. Р. М. Нуреева. Серия «Научные доклады», № 124. – М.: МОНФ, 2001. – 792 с.

11. Amsden, A. The State and Taiwan's Economic Development [Text] / A. Amsden // Bringing the State Back In. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 78 – 107.

12. Baumol, W. Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity [Text] / W. Baumol, R. E. Litan, C. J. Schramm. – New Haven & London: Yale University Press, 2007. – 321 p.

13. Corruption Perceptions Index 2009 [Электронный ресурс] / Transparency International. – http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009/cpi_2009_table

14. Cumings, B. Webs with No Spiders, Spiders with No Webs: The Genealogy of the Developmental State [Text] / B. Cumings // The Developmental State by M. Woo-Cumings. – Published by Cornell University Press, 1999. – P. 61 – 93.

15. Evans, P. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State [Text] / P. Evans // Sociological Forum. – 1989. – Vol. 4. – № 4. – P. 561 – 587.

16. Evans, P. The State as Problem and Solution: Predation, Embedded Autonomy, and Structural Change [Text] / P. Evans // The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, and the State. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – P. 139 – 182.

17. Evans, P. State Structures, Government-Business Relations, and Economic Transformation [Text] / P. Evans // Business and the State in Developing Countries / Ed. by S. Maxfield and B. R. Schneider. – Published by Cornell University Press, 1997. – P. 63 – 88.

18. Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand [Text] / T. Frye, A. Shleifer // The

American Economic Review. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P. 354 – 359.

19. Innovation Policy and Performance [Text] / A Cross-Country Comparison. – OECD Publishing, 2005. – 241 p.

20. Kohli, A. Where Do High-Growth Political Economies Come From? The Japanese Lineage of Korea's «Developmental State» [Text] / A. Kohli // The Developmental State by M. Woo-Cumings. – Cornell University Press, 1999. – P. 93 – 137.

21. Krueger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society [Text] / A. Krueger // The American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – № 3. – P. 291 – 303.

22. Lazonick, W. Innovative Enterprise and Historical Transformation [Text] / W. Lazonick // Enterprise and Society. – 2002. – Vol. 3. – № 1. – P. 3 – 47.

23. Niskanen, W. A. Non Market Decision Making: The Peculiar Economics of Bureaucracy [Text] / W. A. Niskanen // The American Economic Review. – 1968. – Vol. 58. – № 2. – P. 293 – 305.

24. North, D. Five Propositions about Institutional Change [Text] / D. North // Explaining Social Institutions. – The University of Michigan Press, 1998. – P. 15 – 27.

25. Nye, J. Institutions and the Institutional Environment [Text] / J. Nye // New Institutional Economics. A Guidebook. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 67 – 81.

26. Olson, M. Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity Growth [Text] / M. Olson, N. Sarna, A. Swamy // Public Choice. – 2000. – Vol. 102. – № 3-4. – P. 341 – 364.

27. Onis, Z. The Logic of the Developmental State [Text] / Z. Onis // Comparative Politics. – 1991. – Vol. 24. – № 1. – P. 109 – 128.

28. Schneider, B. The Desarrollista State in Brazil and Mexico [Text] / B. Schneider // The Developmental State by M. Woo-Cumings. – Cornell University Press, 1999. – P. 276 – 306.

29. Tullock, G. The Economics of Special Privilege and Rent Seeking [Text] / G. Tullock. – Kluwer Academic Publishers, 1989. – 103 p.

30. Wedeman, A. Looters, Rent-Scrapers, and Dividend-Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines [Text] / A. Wedeman // The Journal of Developing Areas. – 1997. – Vol. 31. – № 4. – P. 457 – 478.

Статья поступила в редакцию 08.05.2010